

ИЛЬГАР МАМЕДОВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ
К ЯНВАРСКОЙ
РЕКЕ

Ильгар Мамедов

**Долгий путь к январской реке
(из дневников разных лет)**

«Спорт»

ББК 47.20

Мамедов И.

Долгий путь к январской реке (из дневников разных лет) /
И. Мамедов — «Спорт»,

ISBN 978-5-9500180-9-1

В своей книге двукратный олимпийский чемпион по фехтованию, ныне главный тренер сборной команды России, отлично выступившей на Олимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро, рассказывает о своем спортивном пути, о тех, с кем добывал олимпийское золото, о своих учениках, о тех, кто сегодня защищает спортивную честь российского фехтования.

ББК 47.20

ISBN 978-5-9500180-9-1

© Мамедов И.

© Спорт

Содержание

Верный курс капитана Мамедова	6
En garde!	10
Про второе рождение	10
Про детские годы	13
Про знакомство с фехтованием	17
Про первый сбор в Измаиле	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ильгар Мамедов

Долгий путь к январской реке

(из дневников разных лет)

Книга издана при содействии АО «ЦентрИнформ»

Издательство «Спорт» – член Международной ассоциации спортивных издателей

Предисловие, вопросы анкеты и литературная запись *Льва РОССОШИКА*
Художник *Александр Литвиненко*

Верный курс капитана Мамедова

Времени на размышление не было. Разве что несколько секунд. Впрочем, выбирать не приходилось: предлагали возглавить всю сборную! И кто? САМ!

Но за эти мгновения столько всего прокрутилось в голове. В том числе и та дурацкая шутка-напоминание, которую он еще перед Играми в Лондоне выдал своему старому приятелю и товарищу по победной олимпийской сборной 1996-го Владиславу Павловичу, который возглавлял тогда команду: «Палыч, у меня за всю спортивную карьеру не было ни одной пражительственной награды. Поэтому после Лондона не забудь меня на орден представить. За мою тайную дипломатическую работу». При этом Ильгар прекрасно понимал, что даже при успешном выступлении фехтовальщиков в британской столице, никто бы никогда не выдвинул его ни на какой знак отличия. А тут у него появлялся шанс в случае успеха команды на самом деле получить государственную награду.

Но это всё ерунда – не в медалях и орденах дело. Просто ситуация в отечественном фехтовании складывалась всё хуже и хуже: в Атланте-1996, где наши олимпийцы впервые выступали под российским триколором, было аж четыре высших награды, через четыре года в Сиднее – уже три, в Афинах-2004 и Пекине-2008 – по одной, в Лондоне-2012 остались без золота вообще... Дальше отступить было некуда.

«Фехтовальщик – и в этом суть нашего вида спорта, – признавался мне Ильгар Мамедов, – должен молниеносно принимать решение». И на сей раз времени на раздумья не было совсем. Когда его пригласили на разговор, да ещё в таком составе – кроме Алишера Бурхановича Усманова был только президент Федерации фехтования России Александр Юрьевич Михайлов, Ильгар уже мог предположить, о чём пойдёт речь.

Он дал положительный ответ. Другого и быть не могло, ведь он всю свою сознательную жизнь шёл к этому. Только не подумайте, что он из карьеристов, в чём его однажды несправедливо обвинили. Просто за почти четыре десятка лет в большом фехтовании ему пришлось преодолеть огромное число препятствий, на себе испытать все неприемлемые им с детства самые отрицательные человеческие качества – несправедливость, зависть, лицемерие, предательство, подлость, наконец. Пришлось менять мнение о людях – в ком-то разочаровываться, к кому-то, напротив, проникнуться уважением. А верить всё равно только самому себе.

Но, преодолев все трудности и пройдя испытание временем, он стал сильнее и мудрее, научился не обращать внимание на до сих пор непрекращающиеся нападки, хотя за последние годы уже всем всё доказал. Не враз, а постепенно, путём проб и ошибок выстроил целую систему подготовки, которая на удивление главного тренера сразу же начала давать результаты. И оказавшийся было на мели российский фехтовальный корабль во главе с капитаном Мамедовым, с 2013-го постепенно начал выравнивать свой курс, и на всех парусах вошёл в гавань бразильского Рио-де-Жанейро в конце июля 2016-го, а покинул её в середине августа с победными флагами расцвечивания...

Давно собирался написать об этом симпатичном и близком мне по духу и взглядам человеке. В чём не раз мог убедиться даже в те короткие встречи и минутные время от времени общения. Но больше узнал Ильгара за десять часов полёта из Москвы в Нью-Йорк, когда совершенно случайно наши места в лайнере оказались локоть к локтю. Плюс дело в том, что остался единственным среди коллег-журналистов свидетелем двух его олимпийских побед в Сеуле и Атланте и писал о них в различных СМИ и в разные годы.

А тут и повод вроде бы выдался – полвека вот-вот должно было исполниться Ильгару. И рубрика своя, подходящая, была у меня на интернет-портале, где в тот момент работал. Но редактор посчитал почему-то, что фехтовальщик Мамедов – не та фигура, которая

заслуживала очерка. То ли вид спорта был не по душе, то ли фамилия. При этом довод моего горе-руководителя был один: мол, у нас двукратных олимпийщиков пруд пруди, найди какую-нибудь более достойную кандидатуру.

Ну а после всего, что сотворил Мамедов со товарищи дои в ходе бразильской Олимпиады, уже не очерк надо было писать о нём, а книгу. Только хотелось сделать это сразу, по горячим следам. Увы, не получилось. Не оказалось на тот момент необходимых средств.

Только через год нашлись недостающие составляющие. А тут как раз и ещё один повод появился: 15 ноября 2017 года в Кремле президент России вручал государственные награды самым достойным, по словам Владимира Путина, людям страны. Но в своей вступительной речи он упомянул персонально только одного – Ильгара Мамедова, которому в этот день исполнилось 52 года. И в завершающей церемонию выступлении Владимир Владимирович вновь упомянул Ильгара, точнее его слова после получения ордена Почёта, что победа – дело огромного коллектива людей.

А Мамедов в благодарственном ответе сказал: «Владимир Владимирович, Вы знаете, победа – это не личное, а комплексное достижение. В ней участвуют спортсмен, тренер, врач, массажист, мастер по оружию и многие-многие другие. Это и удача, везение. Всё это должно сложиться, чтобы выиграть, чтобы победить. Я благодарен нашему коллективу. Спортсмены, кто был на Олимпиаде, кто внёс достойный вклад в копилку сборной России для победы, сегодня в зале. И тренеры здесь. И это победа всего большого коллектива. И эта высокая награда из Ваших рук... Конечно, для меня сегодня двойной праздник. Спасибо за поздравление в день моего рождения. О таком дне можно было только мечтать. Огромное спасибо!»

Что ж, мечта сбылась.

Попытался было вспомнить, когда мы познакомились. Но потом бросил это бесполезное занятие: какая разница, когда это произошло. Важнее, что мы сразу нашли общий язык и говорим на нём вот уже тридцать с лишним лет.

В сентябре 1988-го фехтовальщики летели в Сеул (и я с ними в качестве переводчика) из Хабаровска, где завершали подготовку к главному старту четырёхлетия, даже не помышляя о высшей награде в отличие от саблистов, на которых была основная ставка. Считалось, что среди пятерых рапиристов составит конкуренцию сильным соперникам из Италии, Венгрии и Германии мог только опытнейший 35-летний Александр Романьков, пятикратный чемпион мира в личных соревнованиях, не говоря уже о командных золотых и олимпийских наградах другого достоинства.

В своём повествовании автор описывает, происходившее на главной дорожке и вокруг нее. Я же в качестве превью к решающим событиям передавал тогда из Сеула:

«Всё говорило против них: и прошлогодняя неудача на мировом первенстве, когда советские рапиристы оказались лишь на четвёртом месте, а в зачёте Кубка мира 1988 года значились лишь шестыми. Не говоря уже о личных показателях тех, с кем нашим ребятам предстояло соперничать в финальной встрече: квартет рапиристов ФРГ занимал в личной таблице о рангах ФИЕ – Международной федерации фехтования места со второго по пятое. Ну, а у наших... Да что там говорить, если фамилий некоторых ребят не было даже в списках шестидесяти лучших».

Но на то она и Олимпиада, чтобы забылись все прежние достижения и когда-то завоеванные титулы. Перед тобой одна единственная цель, далёкая ещё вчера, но такая близкая сегодня, и неудержимая вера в возможность её достижения. Плюс ко всему много сил и нервов было отдано в полуфинальном матче с венграми. И здесь с самой лучшей стороны (когда не заладилось у лидера команды Романькова) проявил себя включённый в сборную в последний момент опытный боец Владимир Анципури. Советская четвёрка уступала в полуфинале 6:8. Это значило, что мы не имели права проигрывать два оставшихся боя. И первый из них рапирист из Тбилиси провёл с таким напором и уверенностью, что сопернику крыть было нечем

– 5:0. Следом отличился до этого несколько скованный дебютант, самый молодой в команде Анвар Ибрагимов. Он дал свою победу – последнюю и архиважную. И по уколам сборная СССР вышла в финал.

Перед вечерним решающим матчем немцы почти не сомневались в своей победе. Ну а нашим нечего было терять – они и без того поднялись выше задуманного.

После первого круга – 3:1 в нашу пользу. Следующие четыре поединка – и всё пришлось начинать с нуля.

И вновь неудержим Апицаури, и вновь поначалу неудачно фехтовал Романьков. Но в кульминационный момент встречи именно он, капитан сборной, смог пересилить себя и судьбу, выиграл бой и придал силы товарищам по команде. И перед первым из оставшихся четырёх выходов на дорожку счёт был уже 8:5. Мамедову нужно было добыть победу – в своём бою и матче. И 22-летний парнишка не подвёл.

Как и восемь лет спустя, в американской Атланте, где впервые российская команда выступала под бело-сине-красным триколором.

Мне довелось освещать 13 Олимпийских игр и самая неудачная из них была как раз в столице американского штата Джорджия. Каждый день нас поджидали сюрпризы. Приятные – отличное выступление фехтовальщиков, и не очень: самые показательные – транспортный коллапс и чудачества информационной системы. Но чтобы перевернуть результаты – с этим столкнулся впервые.

Залез в компьютер, чтобы посмотреть, чем завершились полуфинальные бои команд рапиристов – был в это время на каких-то других соревнованиях, возможно, на штанге или волейболе, сейчас уж и не вспомню. И огорчился не на шутку: информсистема выдала, что встреча Россия – Куба завершилась победой последней с разницей всего в укол – 45:44.

Посокрушался, попереживал за ребят, которых хорошо знал, и за их тренера Марка Мидлера, с которым на тот момент был знаком ровно тридцать лет. Согласитесь, обидно уступить одно-единственное касание. Но кубинцы на тот момент именно в рапире были корифеями – крушили всех и вся, а двое так и вообще лидировали в уже упомянутом мною рейтинге ФИЕ. Ясное дело, как можно было не поверить ЭВМ, тем более что всё сходилось: за год до Игр на чемпионате мира кубинцы стали чемпионами, обыграв россиян в финальном поединке.

Отправил в редакцию материал, кажется, о волейболе, и преспокойно возвращался в пресс-центр – благо тот находился неподалёку. И был встречен странным вопросом: «Ты почему здесь? Вот-вот рапирный финал начнётся. А без тебя золота нам не видать». (Это коллеги напоминали, что я стал таким талисманом российских фехтовальщиков – когда присутствовал на соревнованиях, они всегда выигрывали или брали медали). Тут же выяснилось, что компьютер (в очередной раз!) всё перепутал, и рапиристы не проиграли укол кубинцам, а выиграли его. И теперь нашим предстояло биться в решающей встрече с поляками. Ничего не оставалось, как поспешить в зал.

Там узнал интересную деталь: президентом жюри на наш матч с поляками назначили венгра. Наверное, специально, ведь кое-кому в том составе Международной федерации победы россиян – да ещё в таком количестве – были словно кость в горле. До этого парни Мидлера в четвертьфинале переиграли именно сильных венгров, оставив их вообще без медалей.

Финал с Польшей. Вот что рассказал Ильгар: «Начали нормально. Вначале Дима Шевченко, потом я, потом Вячеслав Павлович. Когда я закончил свой второй бой, мы вели 20:15.

Что случилось потом, вы не поверите, мне сразу показалось, что мы находимся за четыре года до этого в Барселоне: за два боя поляки умудрились нанести 15 уколов, а получили всего 8! И перед последним кругом они уже были впереди – 30:28.

Я подобного допустить не мог и набросился на Ярослава Родзевича с таким настроением, что буквально разорвал его – 7:3. И мы вновь повели – 35:33. Вышел Павлович – 5:2. Комфорт. 40:35. «+5» для Шевченко.

Марк Петрович спросил меня в этот момент: «Не испугается?» «Нет, что вы, – я был уверен в Диме. – Не беспокойтесь!»

По бою получилось 5:5-45:40 обидий счёт. Но Шевченко контролировал ситуацию.

И вот – победа! То, что не получилось сделать в 1992 году, сделали в 1996-м. И те же самые поляки, которые нам испортили всю «малину» за четыре года до этого, были повержены – мы вернули должок за Барселону».

Так у нашего героя появилось второе олимпийское золото.

В момент работы над рукописью Ильгар пригласил меня на традиционные посиделки бывших бакинцев, причём, только тех, кто занимался фехтованием. А теперь эти уже солидные мужи – бизнесмены в разных областях экономики, полковник МВД, врач, депутат, живущие в Москве и окрестностях, организовали своеобразное землячество. Наивный, захватил с собой диктофон в надежде поговорить с ними об Ильгаре и его семье. В итоге получился бакинский базар, каждый жаждал вставить своё слово, перебивая друг друга рассказывали о замечательной семье Мамедовых, о гостеприимной тётке Эльмире – маме Ильгара и его братьях. Так что ничего нового я не узнал. Но нисколько не расстроился, познакомившись с замечательными друзьями главного тренера, которые были в Рио и – в этом ничуть не сомневаюсь – своей энергией и поддержкой помогли другу и его команде добиться столь уверенной победы.

Когда начинал писать эту книгу, родилась идея дополнить её знакомством с лауреатами Игр, пушкинскими «богатырями», которые должны были расцветить своего «дядьку Черномора». Но писать очерк о каждом – получился бы неподъёмный фолиант.

Тогда-то и вспомнил про так называемую «Анкету Марселя Пруста», салонную игру, появившуюся в викторианскую эпоху (вторая половина XIX века): предлагался некий стандартный список вопросов, на который надо было в специальный альбом написать ответы, причём, непременно правду.

Разумеется, многие из прежних вопросов устарели, пришлось осовременить и увеличить их перечень. Практически все чемпионы и призёры Рио (в том числе и чемпионы мира-2016) прислали свои ответы. «Это даже не анкета, а некий психологический тест получился», – не то посокрушалась, не то порадовалась в разговоре со мной замечательная Софья Великая. Зато читатель узнает много чего интересного про победителей Олимпиады в Рио. Ведь, согласитесь, про фехтование и фехтовальщиков пишут не так много, как про представителей других видов спорта. Хотя они это заслужили!

В своё время на вопросы «Анкеты Пруста» отвечали наши знаменитые современники французский актёр Жерар Филип, выдающийся режиссёр Андрей Тарковский, известный американский писатель Джон Андайк. А почти полвека назад вышел специальный альбом под названием «Сто французских писателей отвечают на «Анкету Пруста».

В качестве дополнения к портрету Ильгара Мамедова вы прочитаете ответы на анкету чемпионов и призёров Рио по фехтованию. Получилось занятно. Впрочем, вы сами в этом убедитесь.

En garde! **(«К бою!»)**

Про второе рождение

Это случилось 2 июня 1983 года. Мы готовились в Стайках к Спартакиаде народов СССР, а жили в гостинице «Юбилейной» в Минске. В свои 17 лет я уже вполне мог фехтовать по взрослым. И не потому, что был сыном Яшара Мамедова – всем хорошо известного в Азербайджане фехтовального мэтра, а просто по силам мог соперничать уже с рапиристами гораздо старше себя.

И вот просыпаюсь утром и чувствую, что в груди какой-то ледяной ком, камень какой-то внутри. Никогда прежде ничего подобного не испытывал. И необычное ощущение, что мне ни в коем случае не надо ехать на тренировку. Ну не хочу я в этот день тренироваться. Не хочу – и всё. Какое-то странное чувство. Признался об этом своему тренеру Балаяну. «Давайте лучше урок мне дадите», – упрашивал я Гарика Арменаковича. А он в ответ, что там, в Стайках, мол, готовятся ленинградцы, белорусы, латыши, хорошая боевая практика – то, что, по его мнению, мне сейчас нужно.

И, несмотря на мои возражения, Балаян настоял, чтобы я поехал. Но ведь интуиция подсказывала мне, ни в коем случае не делать этого.

Кстати об интуиции. Вычитал где-то, что в аналитической психологии Карла Густава Юнга это чувство рассматривается как одно из четырёх основных психологических функций, определяющая отношение человека к самому себе и окружающему миру, способ принятия им жизненно важных решений. «...Вещи имеют свое прошлое и будущее, – писал известный швейцарский психиатр. – Они откуда-то появляются, куда-то текут, и трудно уверенно сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть... предчувствие. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни». Тут как будто написано про всё, что случилось тогда со мной.

Приезжаем в Стайки. И я перед самым боем надеваю пластиковый бандаж, чего никогда – ни до, ни после всего случившегося – не делал. Что меня подвигло на этот шаг, даже сказать затрудняюсь.

Выхожу на дорожку против белоруса из Гродно по фамилии Анатолий Бобёр. Левша, мощный такой и фехтовал больше не кистью, а плечевым поясом, как мясник, поэтому, в отличие от меня и многих других, когда у него клинок ломался, он этого не ощущал и продолжал движение.

И вдруг в обоюдной атаке почувствовал жжение в бедре. Даже не помню, как оказался на полу. И услышал крик: «Проткнули!» Я вокруг ничего не видел. Но позже мне рассказывали, что мой соперник стоял сам не свой, испуганный, и в руке у него обрубок клинка.

А мы фехтовали в белых костюмах – соревновательная практика, как никак. Я вообще надел его впервые – фирменный Ullmann, который перед этим на чемпионате в Будапеште обменял у одного из венгерских фехтовальщиков на десяток старых, уже использованных клинков.

Так вот он проткнул штаны от этого костюма. Ко мне подбежала дежурившая в зале медсестра, перетянула бедро жгутом выше раны, как принято в таких случаях. И вроде бы кровь должна остановиться, если бы рана была небольшой, а лужа крови подо мной становится все больше и больше. Она мне чуть отодвинула ногу – а там вторая дырка, прямо под паховой областью. Вижу испуг на лице медсестры, у неё руки начинают трястись. Она собиралась приспособить второй жгут – не получилось.

В тот момент я не понял, а позже дошло, что меня спас тот самый бандаж, в который упёрся сломанный клинок. Если бы его не было – пел бы потом всю жизнь как Демис Руссос.

Скорая помощь приехала только через полчаса – Стайки всё-таки, не самый ближний свет. Так хирург в больнице после того, как сделали всё, что необходимо, признался мне: «Парень, да ты в рубашке родился: клинок прошёл в двух миллиметрах от главной артерии и в трёх миллиметрах от нервного узла».

Вообще обрубок прошёл как-то странно, по касательной, потому что не были задеты ни кость, ни артерия, ни паховая часть. Короче, повезло.

Но каково было предчувствие! Юнг-то прав оказался. Но прочитал я об этом позже. Ведь всё говорило, что ни в коем случае не надо было ехать в Стайки. Надо было всё-таки настоять на своём.

Кстати, я был не первый, кого «пронзил» этот «мясник» – от него пострадали четыре известных рапириста. Слава богу без серьёзных последствий.

Хирург сделал всё, что необходимо. И я лежал в послеоперационной палате. А в больничном коридоре разворачивалась настоящая битва: мой папа с кулаками набросился на врача, который не пускал его ко мне в палату, когда ему сообщили, что меня проткнули. Папа уже похоронил меня. Он был в таком состоянии, что, человек мужественный, не мог выговорить номер комнаты в гостинице, когда ему сообщили, что со мной произошло... Когда его пристыдили:

– Что же вы так, доктор спас вашего сына, а вы...

Только после этих слов он пришел в себя и смог позвонить маме и сообщил ей о случившемся. Целый год после этого я боялся выйти на дорожку. Какой-то мерзкий холодок в груди не отпускал меня.

В Москву на Спартакиаду я приехал не участником, а зрителем – на костылях, потом какое-то время ходил с палочкой. Урок получил хороший.

И я ещё долго после этого боялся делать атаки на подготовку. Инстинкт самосохранения срабатывал. Я только вперёд – стоп, блокировка. А не пользоваться атаками на подготовку – всё равно что позволять сопернику ходить на тебя, как на буфет: он в курсе, ты его не встретишь, не станешь контратаковать. То есть твой визави в подобной ситуации чувствовал себя вольготно.

И в соревновательном плане весь сезон я завалил, результатов высоких не показывал. Только на турнире соцстран в Братиславе смог пробиться в восьмёрку.

Про детские годы

Баку, где я родился, город интернациональный. Но в момент моего реального появления на свет – 15 ноября 1965 года, наша семья жила в еврейском районе, хотя это не было поселение людей именно этой национальности. Просто так называлось место. Кто-то когда-то так назвал эту часть азербайджанской столицы. Дом, в котором мы жили – одноэтажное сооружение по улице Видади, 109 (даже адрес помню, хотя полвека прошло). Его и домом в прямом смысле этого слова назвать нельзя – так, три квартиры на земле с маленьким двориком. Иногда, редко правда, заглядываю в этот уголок старого Баку. В последний раз это было несколько лет назад, когда режиссёр-документалист Рауф Мамедов снимал фильм обо мне. Было это ещё до Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро.

Заглянули мы тогда во двор со старыми приятелями. И моментально нахлынули воспоминания детства...

Лет до семи мои родители, бабушка и мы – трое братьев – Азиз, он на два года старше меня, и Эльхан, который был на четыре года младше, жили в этой с позволения сказать квартире из трёх проходных комнат. А потом переехали в настоящую четырёхкомнатную кооперативную квартиру в новой девятиэтажке на улице Дружбы молодёжи неподалёку от станции метро «Гянджлик», рядом со стадионом имени Ленина. Тогда мне казалось, что даже для нашей большой семьи эта квартира была просто огромной – отдельные комнаты для нас, для мамы с папой, для бабушки, и просторная, разделённая на две части гостиная, в одной – огромный чёрный рояль, который и сейчас там стоит, а в другой – диван, стол, телевизор. А ещё два приличных по размерам балкона.

Кстати, в школу – 23-ю, которая до сих пор считается достаточно престижной с углублённым изучением английского языка, которое начиналось со второго класса, я пошёл, когда мы ещё жили в старой застройке. Достаточно сказать, что эту самую школу заканчивала, скажем, первая леди сегодняшнего Азербайджана Мехрибан Алиева, она поступила годом раньше меня. И проучился я там, в этой школе, до середины шестого класса.

А потом уже начал ездить на соревнования, и родители решили перевести меня поближе к дому, чтобы я не прогуливал занятия. Но это не помогло: я всё равно игнорировал учёбу. Причём, делал это очень хитро: меня привозили прямо к школе, я заходил внутрь, переждал какое-то время, а потом шёл куда-нибудь. Или, как мы тогда говорили, на шатал. Что означало прогуливать школу.

Откуда взялось это выражение, даже и не знаю. Вообще в Баку мы использовали свой непохожий ни на какой другой лексикон – какие-то выражения или отдельные слова, которые больше ни в одном городе той, огромной нашей страны, не слышал. Например, спортивные штаны назывались «финки». Почему? Никогда не смогу объяснить значение этого слова. Самое интересное, что бакинцы даже сегодня меня поймут, если я скажу, что вышел на улицу в «финках». Или никогда не говорили, что стекло разбивали, при этом почему-то используют до сих пор глагол сломать. Именно по этим и другим подобным отдельным словам или словосочетаниям можно вычислить, что имеешь дело с уроженцем Баку.

Так что родители совершили серьёзную ошибку, отправив меня в другое учебное заведение. В 23-й школе мне нравились отдельные предметы, некоторые преподаватели, ради которых я бы ещё ходил на уроки. А новую школу под любым предлогом пытался избегать. К тому же, когда попал в сборную республики, там уже освобождали от занятий официально – шла подготовка к Спартакиаде школьников СССР. Мы уже считались элитой, нас переводили из класса в класс почти автоматически.

Но я забежал немного вперёд. Потому что в первых классах о занятиях спортом речь не шла. Меня увлекла музыка. Или скорее стремление не отставать от Азиза: старший брат учился

играть на фортепьяно. И я, как попугай, часто в его отсутствие прикладывался к инструменту, тому самому роялю, который стоял ещё в той малюсенькой квартирке на улице Видади. Ну и мама с бабушкой почему-то решили, что у меня для музыки даже больше способностей, чем у Азиза. В моих бренчаниях они, судя по всему, усмотрели зачатки юного Моцарта, и я тут же был определен в музыкальную школу.

В Баку в те времена все учились музыке. Плюс ко всему я брал частные уроки у жившего через двор от нашего нового дома преподавателя – Соломона Давидовича, обитавшего в хибаре, почему-то называвшейся финским домиком. Может быть, потому, что там постоянно было очень холодно. Подобные дополнительные занятия были непременным условием воспитания будущего Моцарта.

Пианино, помню, стояло прямо на земляном, покрытом линолеумом полу. Запомнил я это прекрасно, потому что даже сейчас, когда вспоминаю о тех уроках музыки, чувствую озноб, постоянное ощущение холода, веявшего от пола. Как же у меня стыли ноги! Я не мог даже попасть по педалям фортепиано. Как Соломон Давидович затащил этот чертов инструмент в свою крохотную комнату, никто не знал. Мама очень уважительно, понизив голос, говорила, что это фортепиано учитель музыки привёз аж из побежденного Берлина.

В общей сложности лет шесть посвятил музыке. Однако просиживать часами за роялем я был не готов. А потому и в этой школе стал ходить на шатал.

И полностью провалился на очередном концерте, которые раз в полгода устраивали для родителей, – это был своеобразный экзамен, как бы отчёт о проделанной работе.

Мама с бабушкой, очень красивые, в праздничных нарядах, пришли на концерт. И отца с собой зазвали. А когда я с треском провалился, они с неммым укором посмотрели на моих педагогов. Те развели руками:

– А что вы хотели, он давно уже не ходит на занятия.

– Как не ходит? Мы же исправно подвозим его к школе...

Они даже представить не могли, регулярно провожая меня до дверей музыкалки, что я проделывал то же самое, что и в обычной школе: смотрел в окно, чтобы родители исчезли из поля зрения, – и напрямиком на бульвар или в парк Кирова, где всегда было чем себя занять: есть вкусное мороженое или горячие кутабы. Тем более, что никогда не был один – всегда находились такие же любители шатала.

А ещё мы обожали фильмы про индейцев с Гойко Митичем – «След Сокола», «Чингачук – Большой змей», «Апачи» и прочие. Нравилась нам и красочные индийские ленты – «Зов крови», «Зита и Гита», «Слоны – мои друзья»... Сегодня, с высоты своих лет, мне всё это кажется немного смешным. А в мальчишеском возрасте это было приятным времяпрепровождением, во многом познавательным.

Мои фортепьянные эксперименты после этого закончились. Собственно, до этого папа не вмешивался в мои занятия музыкой. Но после того концерта взял за руку – и отвел в секцию бокса в большом здании бакинского «Динамо».

Ничего не происходит в нашем мире просто так, случайно. То, что мама заставляла меня заниматься музыкой, неожиданно помогло мне в спорте. Когда я перешел в фехтование, то Марк Петрович Мидлер, наш великий тренер, сразу дал определение моему стилю ведения боя – музыкальный. Это когда у тебя абсолютный слух, ты способен ритмически разложить бой и успеваешь нанести укол в долях секунды чуть раньше, чем твой противник.

Между прочим, Азиз «завязал» с музыкой ещё раньше меня. Но его папа отвел в другую динамовскую секцию – в дзюдо. Правда, на одной из тренировок он неудачно приземлился на спину после подсечки, и врачи порекомендовали ему сменить вид спорта. Так старший из нас первым стал фехтовальщиком. Причём, папа решил, чтобы Азиз занялся шпагой. Кстати, и младший брат у нас тоже музицировал, сам научился, без специального образования. Эльхана

отец сразу определил в фехтование. Но чтобы мы никогда не пересекались, младшему досталась сабля. Но это было гораздо позже. Я же стал боксёром.

Можете себе представить, что было дома, когда узнали про поступок отца. Мама даже схватилась за голову:

– Что?! Мальчика в мордобой? Да у него такие тоненькие ручки...

Руки у меня действительно были тонкие. Я и сейчас не ширококостный. Но папа отрезал:

– В боксе руки окрепнут. Там быстро становятся мужчинами.

Почему не в фехтование, тем более, что к моим 11 годам папа уже несколько лет был старшим тренером республиканской команды по фехтованию? Наверное припомнил, что когда-то давно также начинал свой спортивный путь именно с бокса. Но «мордобой», по образному маминому выражению, мне нравился. И даже после полутора лет занятий в боксёрском зале, перейдя в фехтование, в рапиру, я продолжал после своих новых тренировок время от времени заглядывать к боксёрам. Надевал маленькие перчатки, которые назывались почему-то «блинчиками», а кто-то стоял на «лапах». Потом устраивали спарринги между собой, лупасили друг друга. Интерес был у нас к этому детскому «мордобою». И, как оказалось, мне это однажды пригодилось. Причём, эпизод случился не где-то на улице, а непосредственно в «Динамо».

Мы играли в баскетбол на динамовской площадке. И тут появились какие-то ребята, борцы, кажется, или дзюдоисты. И один из них нагло приказал: «Эй вы, фехтовальщики, валите отсюда! Мы теперь будем играть». Я спокойно объяснил, что через несколько минут мы закончим. И в ответ услышал брань в свой адрес и в адрес всей нашей команды. Ну и что я должен был делать? Вступать в перепалку, отправлять, как и он нас, по известному адресу?

Пришлось легким боксёрским приёмом урезонить нахала. Тот не успокаивался, продолжал двигаться на меня. Ну а фехтовальщику негоже попадаться на подсечку или ещё какой-то приём, важно было сохранять дистанцию и продолжать начатое, раз противник лез на рожон.

Вообще в детском возрасте в подобных потасовках больше жестокости, особенно, если в рукопашной сойдутся девочки. Короче, уступать я не мог, тем более, что был постарше остальных «соратников по оружию». Важно было отстоять честь и собственную правоту. И проявить себя, ведь я был уже мастером спорта и призёром Кубка страны.

Удар справа, хук слева – и соперник уже опустился на колено. Понятно, его забрали друзья. Мы продолжили тренировку.

А в общей душевой после занятий он вновь подошёл и намекнул, что разговор не закончен. Договорились пообщаться позже. А поскольку я уже был призёром всесоюзных соревнований, то мне разрешалось переодеваться не в раздевалке вместе со всеми, а в тренерской. И тут прибежал какой-то мальчик и сказал, что подслушал разговор борцов, которые собрались бить фехтовальщиков.

Пришлось на всякий случай «вооружиться»: у нас для этого во все времена были, есть и всегда будут сломанные клинки. Вполне солидные, сантиметров по пятьдесят. Прикручиваешь к ним ручку – и получаешь вполне серьёзный оборонительный «инструмент». Ну, я на всякий случай засунул в сумку этот предмет. Выхожу на улицу – он ждёт. «Пойдём?» – «Пойдём!» И направляется в сторону бульвара. А мальчонка тот меня предупредил, что ждать меня будут именно там. И я сказал, что мне надо в противоположном направлении – к станции метро:

– Ты хочешь поговорить? Вот по дороге и пообщаемся. Тому ничего не оставалось, как последовать за мной. Оказался нормальный парень. Правда, на словах отношения выяснили. Но он признался, что после первого моего удара уже ничего не видел и не понимал, где находился и что происходило. Потом пожали друг другу руки и разошлись.

А потом я увидел его года через три в зале, когда была встреча с олимпийскими чемпионами Сеула, и я рассказывал про нашу победу на Играх-1988.

К чему я так подробно рассказал про этот эпизод? Просто я решил, что боксёрские упражнения очень полезны и для фехтовальщиков. Особенно, если речь заходила о тактической подготовке. И сегодня я беру перчатки и даю возможность ребятам работать с «грушей».

Про знакомство с фехтованием

Но я забежал далеко вперёд. Потому что мои первые уроки фехтования прошли вовсе не в «Динамо», а совсем в другом месте. Наша улица – Дружба молодёжи упиралась в стадион имени Ленина. Под трибунами этого стадиона работала фехтовальная Кировская детско-юношеская спортшкола. И самую первую тренировку я запомнил навсегда. Дело в том, что у нас с братом был один и тот же размер. И когда я впопыхах, как всегда, собирался на тренировку, перепутал кроссовки. Хватился только тогда, когда папа привёз меня на стадион и познакомил с тренером. И в раздевалке я пришёл в ужас, поняв, что у меня две кроссовки на правую ногу. Что было делать? Кое-как натянул одну из правых на левую ногу и так провёл своё первое занятие.

Правда, в этой секции я надолго не задержался: тренер оказался чрезмерно строгим. Если он давал индивидуальный урок, а ты ошибался в каком-то движении, он бил тебя по бедру рапирой с захлестом. И на бедре оставался рубец. Практически все его ученики ходили с такими рубцами: чтобы выдерживать дистанцию, чтобы правильные рефлексy выработывались. Но этот тренер, его уже нет в живых, поэтому и не называю его фамилию, часто уезжал на соревнования. И завещал на время его отсутствия тренироваться в «Буревестнике», который находился в центре города. Кстати, в то время только в Баку было очень много фехтовальных секций. Многие из них «квартировали» неподалеку друг от друга. И когда на первой же тренировке в «Буревестнике» я встретил своего одноклассника из 23-й школы Игоря Олейникова, я оттуда уже не уходил. Так до августа 1979-го – почти два года – мы занимались вместе.

Но я ещё только-только начинал более-менее серьёзно относиться к фехтованию. И в школу ходил с сумкой, в которой вместо учебников уже лежали кеды, спортивные трусы, майка и перчатка. Меня привлекал азарт борьбы, само участие в соперничестве, возможность перехитрить соперника и продержаться на дорожке как можно дольше. А что ещё нужно было мальчишкам? Выяснить между собой, кто сильнее. Приходишь на тренировку, ещё даже не переодевшись, занимаешь очередь для спарринга – и в раздевалку. Само собой, тренеры давали уроки – без этого в фехтовании не бывает. Но я рвался на дорожку с непременным желанием победить во что бы то ни стало.

В «Буревестнике» я задержался на два года во многом из-за своего одноклассника и двух тренеров – Александра Фёдоровича Страшкина и Лейлы Арифовны Зейналовой, благодаря которым во многом и влюбился в фехтование окончательно. А с августа 1979 года началась настоящая работа – тренажёры, кроссы, растяжки: я вообще деревянный был, как Буратино. Всё это было уже в «Динамо» с Балояном. Понимал, что и мне, и моим тренерам будет со мной непросто – к 14 годам уже не было той эластичности, которая присуща юным созданиям.

Про первый сбор в Измаиле

На Всесоюзной Спартакиаде школьников 1981 года в Каунасе я уступил Анвару Ибрагимову за «вход в четыре», а наша команда оказалась второй – для Азербайджана очень высокое место, уступив очень сильной команде Казахстана. Мы проиграли – 4:5.

Так вот, тогда меня заметил Олег Леонидович Глазов, который был старшим тренером молодёжной сборной СССР, и пригласил в Измаил, что в Одесской области, на сбор национальной юношеской команды.

Хотел бы в этой связи сказать несколько слов про Глазова. Внешне строгий, он никогда не позволял себе несправедливости. Это был человек интеллигентный, с хорошим чувством юмора. Позже, когда уже не было Советского Союза, он стал старшим тренером по виду, позже работал главным тренером сборной России, возглавлял тренерский совет. А когда меня назначили главным тренером в 2013 году, обратился к нему с просьбой остаться на этом посту. Жаль, что получилось не очень долго. В день, когда мы вернулись из Будапешта, где после 11 лет смогли завоевать Кубок наций за общекомандную победу, Глазова не стало... Рано ушёл.

А в Измаил из Одессы добирались на «кукурузнике» минут сорок. Там и познакомился практически со всеми, кто был потом во взрослой сборной страны.

Привёз тогда с собой две рубашки. Зачем? До сих пор понять не могу – зачем на сборе вообще нужны рубашки. Причём, одна ярко-ярко салатовая, другая – ярко-ярко оранжевая. Наверное, мне – 15-летнему пацану, да ещё впервые участвующему в таком форуме, хотелось как-то выделиться, привлечь к себе внимание. Поэтому подобное излишество было простиительно.

Но обе рубашки были мятые. Мне же надо было их погладить. Надо попросить кого-то из девчонок? Но я вообще никого не знал.

Услышал разговор двух подруг с фехтовальными чехлами, одна другую, как мне показалось, называла Лилей. Проследил, куда они пошли. Со всей мальчишеской прямоотой, не раздумывая, постучался в дверь. Открыли, и я с ходу: «А Лилю можно?» Они в смех: оказалось, что это не Лиля, в Виля – так подружки Ольгу Величко называли. Вышла малюсенькая пигалица, а я опять с ходу: «Можно я принесу рубашку погладить?» Мне почему-то казалось, что все девочки должны уметь гладить рубашки.

Тут я уже совсем обнаглел – и принёс не одну, а обе своих рубашки. И она их погладила, уж и не помню как. Так и познакомились. А потом постоянно играли втроём в карты, в «подкидного дурака» – Ира Караева, Оля Величко и я. Кто проигрывал, тому били картами по ушам. Меня не жалели – и уши у меня были фиолетового цвета. Но и я в долгу не оставался – и у них уши были как у Маленького Мука.

Вообще, атмосфера на тех сборах была удивительной. И первая же тренировка по общефизической подготовке, которую проводил Владимир Жилкин, оказалась такой серьёзной, что все мышцы болели, и мы по лестнице поднимались и спускались спиной вперёд. С оружием мы тоже занимались. И меня прикрепили к Евгению Пикману, который в то время работал с молодёжью, но давным-давно живёт и трудится в Австрии. Как-то спросил, не помнит ли он парня, которому давал уроки на сборах в Измаиле? Оказалось, что нет...

Мы жили в комнате вчетвером, и был там здоровый амбал – двухметровый шпажист из Москвы Саша Шишкин. Ну и мне не понравилось, что эти ребята, разговаривая между собой, то и дело использовали ненормативную лексику, постоянно вспоминая близких родственников, чего у нас, на Кавказе, тогда было не принято. Ну, я раз попросил при мне не выражаться, потом второй. Понимал, что ребята пользуются таким лексиконом без какого-то умысла, а нехорошие слова срывались с уст автоматом. Но когда в третий раз услышал нехорошее выражение, вклеил здоровенному парню оплеуху. Тот не ожидал такого исхода и стал извиняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.